

AMY HARMON

*The Unknown
Beloved*

ЭМИ ХАРМОН

*Любимый
незнакомец*

CLEVER
•издательство•

Это выдуманная история.
Все имена, личности, места, события
и факты в ней — вымысел или плод
воображения автора.

*Посвящается реальному Майклу Мэлоуну
и всем тем, чьих имен никто никогда не узнает*

*Любимые не могут умирать,
Ибо любовь — бессмертие.
Эмили Дикинсон*

Пролог

ЯНВАРЬ 1923 ГОДА

МАМА СПАЛА, ЧУТЬ слышно похрапывая, словно в горле у нее что-то тихо вскипало. Дани погладила ее по щеке. Мама устала, потому что они с папочкой ругались всю ночь напролет. Ссорились, обнимались, целовались, дрались, снова ссорились. В последний раз папочка слишком долго не возвращался, и мама тревожилась, без конца мерила шагами комнату и до крови сгрызла кожу вокруг ногтей. Ногти она никогда не грызет. Ногти у нее красивые, она их красит для папочки. И губы тоже. Мама любит папочку. Папочка любит маму. Тетка Зузана говорит, что они слишком любят друг друга. Зато сама тетка Зузана папочку не любит. Она говорит: «Он дурак».

Папа не нравился ни одной из маминых теток. Тетка Ленка говорила, что он слишком красивый, а тетка Вера — что от него одни неприятности. «Бери Даниелу, Анета, и возвращайся в Кливленд», — убеждали они маму. Тетки вырастили маму, и она привыкла их слушаться. Но когда они говорили такие вещи, она лишь мотала головой:

— Я выбрала Джорджа Флэнагана, *тэти*. Я хочу быть рядом с ним. И я не позволю вам плохо о нем отзываться. Я жена Джорджа. Даниела — дочь Джорджа. — Мама звала ее Даниелой, только когда говорила с тетками.

Тетки сказали, что ребенка нужно назвать в честь прадеда Даниеля, самого первого Коса, осевшего

в Кливленде, и мама с папочкой почему-то согласились.

— Даниела Флэнаган — идеальное имя, — любил повторять папочка.

— Я не идеальная, — возражала ему Даниела.

— Совершенно идеальная. Такая же, как твоя мама. У нее тоже идеальное имя.

— Анета — значит жалостливая, — заученно отвечала Дани. Тетушки вечно твердили ей об этом.

— Вот именно. Ты у меня умница. Твоя мать ждалась надо мной... и вышла за меня замуж.

— Но тетушкам ты пришелся не по душе?

— Да. Тетушкам я пришелся не по душе.

— Я люблю тебя, папочка.

— Я тоже люблю тебя, Дани Флэнаган.

Ей нравилось, как все ходило ходуном, когда папочка возвращался домой. Нравились его тяжелые шаги, его смех, его запах, неспособность тихо себя вести. Папочка все делал громко — кричал, хохотал, топал, храпел.

Мама сейчас тоже похрапывала, но только совсем неслышно. Мама устала.

Дани высвободилась из ее объятий и собрала книги, которые они купили у О'Брайана. Несмотря на усталость, мама весь день пыталась чем-то себя занять. Они сходили в собор Святого Имени и поставили за папочку свечку. Потом заглянули в цветочную лавку Шофилда на другой стороне улицы и понюхали розы, купили у уличного разносчика хот-дог, а под конец зашли в свой самый любимый магазин — в книжный, к О'Брайану. Мама любила книги, но еще больше любила, когда Дани рассказывала ей о них, даже не открывая.

Большая книга в обтрепанной по углам синей матерчатой обложке прежде принадлежала

болезненному, сильно кашлявшему мальчику с длинными, тонкими руками. В книге о нем не было ни слова... но он когда-то ее любил. Читая, он тихонько произносил вслух каждое слово, а его голос походил на голос мистера О'Брайана. Мама говорила, что мистер О'Брайан из Ирландии, прямо как папочка... может, мальчик, который читал эту книгу, тоже приехал из Ирландии. А может, ее привез из-за океана в свой чикагский магазин сам мистер О'Брайан.

Другие книги, которые мама купила, никто уже очень давно не читал. Коснувшись одной из них, Дани хихикнула — ее клали под попу непоседливому малышу, потому что иначе он не доставал до обеденного стола. От последней книги, совсем новой, голову Дани заполнил серый туман. Эту книгу еще никто не открывал, не любил, не ненавидел, даже в руках не держал. Ни ткань обложки, ни бумага страниц еще не впитали в себя ничьих историй.

Дани всегда пересказывала маме все, что видела, а мама говорила, что Дани истинная рассказчица. Но рассказчицей Дани не была. Ни одной своей истории она не выдумала. Обычно она не могла придумать даже, что бы нарисовать. Правда, она нарисовала котенка, которого ей хотелось забрать домой. *Чарли*. У мистера О'Брайана на заднем дворе стояла коробка с котятами — он их раздавал. Дани хотела котенка. Страшно хотела. Она нарисовала с десяток котят, похожих на Чарли, и развесила рисунки по всему дому.

Маме не слишком нравилось, что Дани хочет взять в дом котенка. Но папочка обещал ее уговорить. Пусть Дани подождет, пока он снова вернется домой, и тогда они вместе пойдут и заберут Чарли.

Можно навестить Чарли сейчас, пока мама спит. Мама ни о чем не узнает.

Дани решила вынести башмаки и пальто в прихожую. Если одеваться в комнате, мама услышит, как она возится. Обычно мама спала очень чутко. Но теперь, когда Дани осторожно потянула на себя дверь, мама даже не шелохнулась. Она спала крепким сном.

Дани сунула ноги в башмаки. Уже маловаты. Папочка говорит, что всякий раз, когда его не бывает дома, она умудряется вырасти. Мама отвечает, что ему вообще не стоит от них уезжать. Зато пальто еще впору. И шляпка тоже. Дани потянула за поля, прикрывая уши, чтобы не слишком замерзнуть. На улице уже сгущались сумерки. Если ей хочется поглядеть на котят, нужно спешить. А потом она сразу вернется домой. Но Дани слишком увлеклась возней с Чарли. И напрочь забыла о времени.

Свернув обратно, к своему дому, Дани услышала вой полицейских сирен. Она побежала, решив, что мама уже проснулась, рассердилась, перепугалась. И вызвала полицейских, и теперь они ищут ее, Дани.

Прямо перед их домом улицу перегораживали две полицейские машины. На крышах мелькали сирены, дверцы были распахнуты. Подъехала еще машина, из нее вылезли еще трое. Они двинулись во двор, где уже стояли двое других полицейских. Папочкина машина тоже стояла у дома.

Входная дверь в доме Дани стояла настежь. Соседка, миссис Терстон, разговаривала с полицейскими. Она яростно жестикулировала, ежась от холода.

— О нет! — вскрикнула Дани. Они и правда ищут ее. Теперь мама ни за что не позволит ей взять котенка.

Ее никто не видел. Пока никто. Дани прокралась через соседский двор к задней двери своего дома — той, что вела в кухню. Сейчас мама увидит ее и сразу же велит полицейским уйти.

Но полицейские уже вошли в дом. Один из них стоял в дверях, между гостиной и кухней. На его большой голове красовалась лихо заломленная кепка, длиннополое пальто было расстегнуто, и медные пуговицы двумя ровными рядами сбегали вниз по толстому животу. Из-под лацкана пальто выглядывала золотистая звездочка.

Кто-то включил лампы. *Все* лампы в доме. И теперь всюду ярко горел свет. Маме не понравится, что горит так много ламп, а входная дверь распахнута настежь. Весь жар от печки уйдет в вечернюю январскую стужу.

Полицейский смотрел вниз, на пол, так что козырек от кепки закрывал ему половину лица. Когда она вошла в кухню, он не поднял головы. Сирены у дома были так громко, что наверняка оглушили целый район. Где же мама?

Дани шагнула вперед и вытянула шею, оглядела гостиную, входную дверь, перевела взгляд за стоявший теперь прямо перед ней кухонный стол — туда, куда смотрел полицейский. Тогда-то она их и увидела. Мама была не в постели, но еще спала. Они оба спали — и мама, и папочка, — разметавшись по кухонному полу. Мама так обрадуется, что папочка уже вернулся. Ведь она говорила, что его долго не будет.

Мама была босиком, а папочка даже не снял пальто и шляпы — словно он вбежал в дом, и подхватил маму, и закружил ее по комнатам, и целовал, и качал, пока оба не повалились на пол. Может, это папочка не закрыл за собой входную дверь.

Он лежал поверх мамы, и Дани не видела его лица. И мамино лицо не видела. Видела только красивые голые мамины ноги и подол красного платья. Юбка разлетелась по полу, большим красным сердцем легла вокруг них с папой.

Полицейский поднял глаза.

— Вот черт. Ребенок нашелся! — заорал он. — Мэлоун, сюда!

Другой полицейский, моложе, смуглее, но в точно такой же форме, показался у него из-за спины и прошел через кухню, обогнув алое сердце и спавших в нем родителей Дани. Он положил руку ей на плечо, увлекая прочь от загадочной картины на полу кухни.

— Держи ее подальше отсюда, пока мы не закончим, — велел толстый полицейский и указал на заднюю дверь. — И разузнай, что ей известно!

Через переднюю дверь в дом вошли еще несколько полицейских: она услышала их шаги.

— Идем, малыш, — сказал молодой полицейский. Голос у него был тихий и добрый. Правда, он так и не снял у нее с плеча своей большой, тяжелой ладони.

Порой папочка тоже говорил ей *малыш*. Но голос у полицейского, которого толстый называл Мэлоуном, был не таким, как у папы. Он был мягким. А еще хриплым, словно Мэлоун им мало пользовался. Словно не пел во все горло и не кричал во всю глотку. Еще он был сильно моложе папы, но почему-то казался старше. У него был серьезный рот и темные, грустные глаза, прямо как у Регги, пса миссис Терстон.

— Мне нужно предупредить маму, — сказала Дани. Голос ее прозвучал гулко, как когда кричишь в пустой церкви. — Я ведь ушла, не предупредив. Не сказала, где буду.

Мэлоун опустил ее перед ней на корточки, так что ей больше не нужно было запрокидывать голову. Но он все равно отгораживал ее от всего происходившего в доме. Она увидела, как он изумился, заметив ее глаза. Все всегда реагировали одинаково.

— Как тебя зовут, детка? — мягко спросил он.

— Дани Флэнаган. — Голос опять прозвучал гулко, а еще она больше не чувствовала пальцев на ногах. Ступни заledenели, зато в груди разгорался жар.

— Дани, я офицер Мэлоун. Мы далеко не уйдем. Мы будем за дверью, во дворе. Чтобы не путаться под ногами.

— Вы скажете им, что я здесь? — спросила она и зажала ладонями уши. С ней что-то не то. С мамой и папочкой что-то не то. Жар из груди разлился до самых глаз, а боль из ступней поползла вверх по ногам. Она не знала, сможет ли идти.

— Бог мой, Мэлоун, да уведи ты ее, — рявкнул первый полицейский.

Офицер Мэлоун плотно сжал губы. Толстяк он явно недолюбливал.

— Идем со мной, Дани, — велел он.

Она попыталась сдвинуться с места, но не смогла.

— Мэлоун!

Мэлоун молча подхватил ее на руки и вынес на задний двор. Огляделся, выбирая, куда бы ее усадить.

— Вот так, Дани Флэнаган, — сказал он и опустил ее на скамейку, где обычно курил папочка.

Снаружи она будто обледенела, но пламя внутри горело, щелкало и шипело, словно дрова в печи. Она задрожала, и тогда Мэлоун сел рядом с ней, снял пальто и укутал ее. Он не стал говорить ей, что все будет хорошо. Не похлопал по спине, не потрепал по волосам, как делал папочка, когда она огорчалась. Но пальто у него было большое и теплое, и оно отвлекло ее от тьмы, что сгустилась теперь во дворе и у нее внутри.

— Где ты была? — спросил он. — До того, как вернулась домой. Куда ты ходила?

— Я б-была у О'Брайана. Но в маг-газин не зах-ходила. У н-него за д-домом коробка с к-котятками. Они

такие м-милые. Я хотела посмотреть на них всего минутку, но задержалась. Мама, наверное, волнуется, к-куда я пропала. Наверное, она б-боится. Она т-теперь всего боится.

— Когда ты уходила... где была твоя мама?

— Она спала.

— А папа? Где был твой отец?

— Его не было дома. Утром он уехал с дядей Дарби и обещал вернуться через несколько дней. Он знал, что пропустит мой день рождения. Но обещал, что, когда вернется, я смогу взять домой котенка. Он обещал уговорить маму.

— Когда у тебя день рождения?

— Завтра. Мне исполнится десять.

Ей показалось, что он выругался. Правда, она не была уверена, потому что толком не расслышала его слов.

— Ты уже выбрала себе котенка? Решила, какого возьмешь?

— Да. Я возьму мальчика. Папа сказал, девочек брать нельзя, ведь нам нужен всего один кот. У мальчиков не бывает детей. Но он и так понравился мне больше других. У него глаза как у меня. Один коричневый, другой голубой. Папа говорит, такое встречается очень редко. Говорит, что я особенная.

— Как ты его назовешь?

— Чарли.

— Хорошее имя.

— Они ведь умерли? — спросила она. Ей не хотелось говорить о Чарли. Ей хотелось к маме. Хотелось, чтобы папочка вышел из дома и велел Мэлоуну и другим полицейским убираться восвояси.

Мэлоун снова чертыхнулся, и на этот раз она расслышала его слова. Он перекрестился и взглянул на нее. Глаза у него блестели, а губы дрожали.

— Да, Дани. Они умерли. Мне ужасно жаль.

* * *

Люди умирали. Их сердца переставали биться. Последний вдох срывался с губ, и свет угасал. Смерть не походила на заглухший мотор, на моргнувшую и погасшую лампочку, хотя по-своему была им сродни. Движение, присутствие, бытность... а потом ничего. Грязная перчатка на мостовой, отлетевший в сторону сапог обезножевшего солдата. За свою жизнь Майкл Мэлоун повидал слишком много безруких, слишком много безногих людей. Смерть была так беспощадна. Так неумолима. От нее никому не удавалось уйти.

Душа отлетала быстро. Если душа — или то странное нечто, которое именуют сознанием, — вообще существовала, то подле тела она не задерживалась. Она мчалась прочь. А плоть немедленно переходила во власть смерти, серолицей, дурно пахнувшей смерти. Он видел это тысячи раз.

В детстве он воображал, что видит души. Он даже рассказывал матери о разноцветных, словно написанных акварелью тенях, что порой окружали головы и плечи людей. Тени были розовыми и лиловыми, белыми и желтыми, он видел их вполне четко, а еще видел свечение, исходившее от него самого, когда уголком глаза ловил в зеркале свое отражение. Мать верила ему, говорила, что у него дар. Когда-то его свечение было теплым, но он уже много лет его не видел. От его матери тоже шел теплый свет, и он видел, как этот свет угасал. Быть может, мать, умерев, забрала его дар с собой.

Он не знал, что происходит с душой, когда человек умирает не вмиг, а постепенно. Мать умирала постепенно. Он всегда считал, что душа подобна жаркому

пламени, которое ярилось и ревело, пока все вокруг не обращалось в угли, уже не способные зажечь новое пламя. Человеку, и мужчине, и женщине, лучше было бы умирать сразу, в одночасье, чтобы душа не висала возле тела, а отрывалась и улетала прочь.

Он боялся, что медленное умирание стубило дух его матери. Он до сих пор этого боялся. Но теперь ведь она свободна? Он на это надеялся. Сам он свободным не был. Но надеялся, что свободна она. И малышка Мэри. И крошка Джеймс. Быть может, теперь его мать и его дети были вместе. Мысль об этом утешала его, когда больше ничто не могло утешить.

Но теперь он не знал, как утешить Дани Флэнаган.

— Они ведь умерли? — спросила Дани. И в ответ он сказал ей правду. Да, Джордж и Анета Флэнаган действительно умерли.

Он думал об этой странной девочке. Свой невозможный, невыносимый вопрос она задала так тихо и мягко, словно все знала заранее. От ее спокойного самообладания, от этого бесстрастного утверждения у него волосы встали дыбом. Но потом глаза у нее заблестели, и слезы тихо побежали вниз по щекам. Устыдившись собственных мыслей, он выудил из кармана Зайчика и всучил ей. Он даже задуматься не успел. Позднее он клял себя за то, что отдал ей эту ценность, но тогда ему просто хотелось дать девочке *хоть что-то*. Был канун ее дня рождения. Ей исполнилось десять, и она была еще более одинока, чем он. Так что он отдал ей розового зайчика своей Мэри.

Зайчик был небольшой. Помещался в кармане. В последние полгода он всюду носил его с собой. Дани взяла игрушку и крепко, чуть не с отчаянием, вцепилась в нее обеими руками.

Она подняла на него полные слез глаза и смяла пальцами тряпичную игрушку. Утерла мокрые щеки.

Потом она отвернулась, не выпуская его подарок из рук, и на лице у нее появилось другое, отсутствующее выражение. Шок. Бедная девочка потрясена.

— Зайчик, — пробормотала она.

— Да. Это зайчик. Он приносит удачу. Обними его, а мы пока разберемся, что тут случилось. Ладно?

— Но ведь это зайчик Мэри, — тихо сказала она.

— Что... что ты говоришь? — прошептал он.

Она не ответила.

Конечно, он ее неправильно понял. Во всем виновато его собственное безумие. Его собственная тоска. И вина. Она снова подняла на него пустые глаза. Глаза, которые так поразили его там, в кухне. Левый был светлый, бледно-голубой, а правый — карий, как у него. Теперь, в полутьме, он не различал цветов и лишь видел, как мерцают ее глаза — один куда светлее другого.

— У вас есть д-дочка? — спросила она.

Сердце замерло у него в груди. Так случилось каждый раз. То же чувство. Та же внезапная пустота внутри, тот же ком в горле.

— Нет, — тихо ответил он. — Больше нет.

— Хорошенький зайчик, — сказала она, вновь сминая потертую ткань. Она поднесла зайчика к груди, словно он мог ее утешить, прижала его к себе обеими руками и закрыла глаза.

— Мэлоун, соседка говорит, что присмотрит за ней. С семьей уже связались, — рявкнул Мерфи с порога задней двери.

Мэлоун и Дани Флэнаган вздрогнули от неожиданности. Она взглянула на него широко распахнутыми глазами:

— Мистер Мэлоун, я хочу посмотреть на папу с мамой. Пожалуйста.

— Нет, детка. Прости, нельзя.

— Прошу вас.

Ему нужно было задать ей еще пару вопросов, но он не понимал, насколько сильно можно давить.

— Дани, ты видела, что случилось?

— Нет. Но вы здесь. А они там, внутри. Они бы позвали меня, если бы могли. Стали бы меня искать. Но они просто лежат там, и все. Вы же видели.

Долго они там не пролежат. Едва шагнув за порог, Мерфи заявил, что это убийство и самоубийство, а соседка, некая миссис Яна Терстон, подтвердила, что Флэнаганы частенько ссорились.

Джордж Флэнаган был грубиян. Он водился с парнями из Килгоббина. Их вроде называют бандой с Норт-Сайда. Жили они плохо, вечно ругались да дрались. Анета не раз прибежала ко мне в слезах. Я слышала выстрелы. Так, значит, он ее убил?

— Я отведу тебя к миссис Терстон, — сказал он. Он был простым полицейским. Ему всегда доставались самые дрянные задания. Правда, сегодняшнее дело оказалось худшим из всех, что ему поручали.

— Не хочу к миссис Терстон, — ответила Дани. — Она не любит ни меня, ни маму.

Он нахмурился:

— Это еще почему?

Миссис Терстон обставила все так, словно они с Анетой Флэнаган очень дружили. Ей было что рассказать о случившемся. Правда, сам Мэлоун пока не видел ровным счетом никакого смысла в том, что случилось в этой кухне.

— Она завидовала маме, — прошептала девочка. — Говорила ей гадости и однажды попыталась поцеловать папочку. Не верьте тому, что она говорит. Она плохая.

Вот же черт. Мэлоун примерно так и решил, едва эта миссис Терстон раскрыла свой накрашенный рот.